

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Источник: Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М.: ИМЛИ РАН, 2017.
Статья на с. 89–96.

А.М. Грачева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

ЖАНР ВИДЕНИЯ И ВИДЕНИЕ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ПОВЕСТЬ А. РЕМИЗОВА «СТРАННИЦА»)*

В статье проанализированы источники и поэтика повести А. Ремизова «Странница». Показана взаимосвязь повести с художественными произведениями писателя 1917–1921 гг. («Слово о погибели русской земли», «Сказание о князьях Владимирских», «Сказание о Давыде Булатовиче», «Сказание о Савваитях», «Сказание о Савваитях», «Сказание о Савваитях»). На следующую страницу 921 гг.). «Странница», представляющая собой развернутое повествование, органично входит в комплекс текстов Ремизова, являющихся его реакцией на современные политические события.

The article A.M. Gracheva analyzed the sources and the poetics of the novel A. Remizov "Wanderer". The author shows the relationship this novel with Remizov's fiction and nonfiction works of 1917–1921. ("Tale of the Ruin of the Russian land", parables, Diary 1917–1921.). "Wanderer" is a comprehensive allegory organically included in the complex text Remizov, the novel is his reaction to contemporary political events.

Ключевые слова: Ремизов, революция 1917 г., древнерусские сказания, апокрифы, повесть «Странница».

Keywords: Remizov, revolution of 1917, old russian tales, apocrypha, novel "Wanderer".

В 1918 г. в первом выпуске сборника «Мысль», вышедшего в езеровском издательстве «Революционная мысль», было опубликовано произведение Алексея Ремизова, казалось бы полностью выпадавшее как из своего окружения в книге (комплекса остроактуальных политических и социологических текстов), так и из контекста творчества писателя. Это была, по авторскому определению, «повесть монастырская» «Странница» – один из наиболее герметических текстов Ремизова.

Название повести – «Странница» – это определение, характеризующее главную героиню повествования – Анну. Повесть делится на две части. В первой из них – «Юдоль плачевная» – рассказано о нелегком жизненном странствии несчастной дворянской сироты, обитавшей в первой половине XIX в. в российской провинции. Перипетии ее судьбы узнаваемы до баналь-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-РФФИ № 15-34-12003.

ности и легко могут найти параллели во многих произведениях русской литературы. Притеснения от злых родственников, побег из их дома, существование в качестве воспитанницы то у одних, то у других благодетелей, паломничество по монастырям, брак с пожилым богатым купцом, добродетельное супружество, рождение детей, вдовство, наконец, смерть. История обычной, ничем не примечательной жизни рассказана самой героиней, «своими словами», почти примитивным слогом. Речевая структура повествования состоит из простых предложений. Лексика номинативна, лишена ярких определений, метафор. Таково, например, начало повести: «Создан человек Богом не для земли, а для неба... Путь один – дороги разные. Желанной пришла я в мир или с проклятием, я не знаю, но когда я увидела свет, моя мать навсегда закрыла глаза, в тот же год умер отец. <...> От родных я не слыхала ни одного человеческого слова, ни одного взгляда. Жизнь моя проходила на кухне, меня заставляли все делать, там и обедала» [1, с. 239].

Удалось выявить, что первая часть повести стилистически и типологически восходит к популярной книге С.И. Снеissorёвой «Русская странница Дарьюшка. Рассказ с ее слов» (СПб., 1886; первое издание опубликовано под заглавием: «Дарьюшка: очерк жизни русской странницы». СПб., 1864). Однако произведение Снеissorёвой не является прямым источником текста Ремизова, а лишь жанровым аналогом сюжетно замкнутой первой части повести. На основе одной из реалий текста можно также высказать предположения о ее возможном реальном источнике. Странствуя, героиня приходит в Глинскую пустынь – имеется в виду существующий доньше, почитаемый верующими Свято-Рождества Богородицы ставропигиальный мужской монастырь, расположенный в селе Сосновка, Глуховского района, Сумской области Украины (ранее входил в состав Курской епархии Российской империи). В обители Анна беседует с реальным историческим лицом – видным церковным деятелем, игуменом Филаретом (Данилевским, 1777–1841), бывшим настоятелем пустыни с 1817 по 1841 г. Данный эпизод позволяет уточнить время действия повести (20–40-е годы XIX в.), а также высказать предположение о вероятности существования какого-то реального источника, связанного с кругом душеполезного чтения, вдохновленного посещением Глинской пустыни. Кстати, недалеко от этой обители, в Борзенском уезде Сумской губернии, находилось село Берестовец – имение родителей жены Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло, место, неоднократно посещавшееся писателем. Однако первая часть повести – только прелюдия, интродукция к основной – второй – части, озаглавленной «С того света».

Вторая часть повести – «С того света» – представляет собой рассказанное самой визионеркой описание 40-дневного видения Анны. Это повествование о хождении ее души по мукам, посещении ею ада и рая. Текст основан на многочисленных источниках: Библии; древнерусских оригинальных и переводных апокрифических памятниках (апокалипсисах, видениях, хождениях), житиях, посланиях; а также на посвященных их описанию и исследованию

трудах медиевистов XIX – начала XX в. Несколько текстов-источников, таких как видение преподобного Григория о мытарствах блаженной Феодоры из «Жития Василия Нового» и «Откровение св. Иоанна Богослова», установлены польской исследовательницей А. Возняк [2]. Однако удалось выявить, что основной базой Ремизова для изображения загробных видений героини являются тексты апокрифов, опубликованных в издании: Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. СПб., 1863. Т. I–II. Это такие апокрифы, как «Хождение Богородицы по мукам», «Хождение апостола Павла по мукам», «Откровение Мефодия Патарского», «Послание новгородского архиепископа Василия о “земном рае”», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Георгиево мучение», «Никитино мучение», «Ипатиево мучение», «Иринино мучение». Среди источников второй части повести надо также назвать Киево-Печерский патерик, «Сказание отца нашего Агапия о рае», исследование А.В. Амфитеатрова «Дьявол в быте, легенде и литературе средних веков» (*Amfiteatrov A.V. Собр. соч.* СПб., [1913]. Т. XVIII), монографию В. Сахарова «Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи» (Тула, 1879) и, наконец, разделы из постоянного источника Ремизова – капитального исследования А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» (СПб., 1889).

Вторая часть «Странницы» – это текст, основанный на виртуозном компилировании и переосмыслении сюжетных мотивов и образов литературных источников; на использовании точных и неточных цитат из них. И в то же время это оригинальный ремизовский апокриф, по жанровому типу наиболее близкий к повествованию о мытарствах блаженной Феодоры, которая сама поведала преподобному Григорию о загробных странствованиях своей души, повидавшей и райские блаженства, и адские муки. С языковой стороны эта часть произведения ориентирована на трансформацию стилистики и лексики древних памятников на язык, понятный читателю из народа.

Ремизов создал свой вариант апокрифа, соединивший в себе жанровые признаки апокалиптического видения, мученичества и хождения по мукам. Его апокриф начинается с развернутой картины наступления последних времен – эпохи пришествия антихриста. «Вижу помраченный мир от явившихся полков темной неисчетной силы. Они брали власть над землей. И запасов орудий мученических было у них без числа: крюки, колеса, лапы, плети, доски, топоры. Духом они разжигали железные печи. // Какая горечь, какая горесть! // Врагу дал Бог прельщать человека и позволил мучить. // У главного чаша в руках. Царем и Богом себя называет. Воины подводят к нему народ. И из чаши он напоевает несчастных. Другой держит доску: красками намалевана голова обезьяны. И те, несчастные, целуют ее, как пречистый образ. // Тем, кто отпил из чаши, полагают печатку на лоб и ведут во дворцы: там музыканты играют и нарядные танцуют гости, там пьют и едят и веселятся. И какая разгулка, какое довольство! А уж тех антиевых печатей им никогда не сбросить. //

Но есть и такие, не хотят и не даются они темной силе, не пьют из горестной чаши, не кланяются голове обезьяней. И за то терпят злую муку. <...> Претерпевый муку врага, спасется» [1, с. 264–265]. Приведенный текст основан на использовании цитаты из древнерусского переводного эсхатологического сочинения «Слово о скончании мира и о антихристе»: Антихрист «послетъ въ горы и въ вертепы и пропасти земныя бѣсовскія полки, во еже възсати <...> скрывшихся отъ очю его и техъ привести на поклонение ему» [3, с. 143]. Также в этом отрывке текста использованы образы из видения преподобного Григория о мытарствах блаженной Феодоры: «Ношаше же различныя орудія къ мучению: мечи, стрѣлы, копія, барды, косы, серпы, рожны, пилы, сѣкиры, теслы, оскорды и удицы, и иная нѣкая незнаемая» [4, с. 123]. Однако основной текстуальной и семантической базой ремизовского вступления к описанию мытарств Анны является текст библейского Апокалипсиса.

В целом, содержание второй части «Страницы» – это развернутое описание видения Анны, душа которой упорно сопротивляется преследующим ее бесовским силам. Действие происходит то на мосту, через который перевозят солдат, то в театре, полном народу, то на ярмарке, то во дворце. Большинство эпизодов части «С того света» представляют собой иносказания, показывающие деятельность антихриста и его присных в мире. При этом в основе каждого сюжетного эпизода лежит переработанный текст древнерусского памятника, исследования по медиэвистике или произведения русской литературы. Так, например, фантастический театр – это собрание душ, передвигающихся по лестницам вверх и вниз: «<...> по смерти нет уж воли остановиться, а демоны страстей понукают и грозят: // – Ты наш! ты наш!» [1, с. 267]. Последние слова взяты из древнерусского слова «О преподобнѣмъ Исакии Печерницѣ» из Киево-Печерского патерика (XI в.): «Бѣси же кликнуша и рѣша: “Нашъ еси, Исакие!”» [5, с. 608]. Эпизод посещения героиней ярмарки основан на мотивах повестей Гоголя «Портрет» и «Страшная месть» (мотивы оборачивающихся арбузными семечками дьявольских денег, оживающего портрета, преступной страсти мертвеца-колдуна к дочери). В конце почти каждого эпизода видения героиню настигает или сам антихрист, или его присные. «И лежит на койке. – Сразу-то я не разглядела, <...> большая <...> Подхожу я поближе, наклонилась. // – Не надо ли, – говорю, – чего? <...> // А он <...> как сдернет с себя одеяло. // Какой ужас! – Я его узнала. Это тот, это он, у которого видела я в руках чашу (т.е. антихрист. – А. Г.)» [1, с. 269]. После странствия Анны по различным местам мучений и преодоленных испытаний ее душе удается бросить взгляд на Царство Божие. Отдельные детали его описания взяты Ремизовым из древнерусских переводных апокрифов «Сказание отца нашего Агапия о рае», «Сказание о Макарии Римском», из Апокалипсиса, а также из раздела «Эпизоды о рае и аде в послании новгородского архиепископа Василия» уже упомянутого исследования Веселовского. В итоге загробных странствий душа героини возвращается в оставленное тело, и Анна как бы застревает между жизнью и смертью.

Какие же причины могли вызвать появление этой на первый взгляд совершенно «несвоевременной» ремизовской повести в Петрограде, на границе 1917 и 1918-го годов? Обратимся вновь к самому началу второй части «Страницы» – к явлению антихриста. В этом эпизоде у Ремизова концептуальным источником текста является Апокалипсис: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя говорил и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр 13, 15). В повести цитата-источник трансформирована следующим образом: «красками намалевана голова обезьяня. И те, несчастные, целуют ее, как пречистый образ» [1, с. 264]. Мифологически-неопределенный образ «зверя» заменен более конкретным – образом «обезьяны». Как известно, после Октябрьского переворота 1917 г. в антибольшевистской публицистике образ «обезьяны» напрямую ассоциировался с новой властью. На рубеже 1917–1918 гг. этот образ имел аналогичное значение и в публицистике Ремизова. Писатель отрицательно воспринял как Февральскую революцию, так и Октябрьский переворот [см. подробнее: 6]. Ремизов видел в этих исторических катаклизмах нарушение естественного *эволюционного* пути развития России. Открытая негативная характеристика новых «хозяев жизни» содержится в его памфлете 1918 г. «Вонючая торжествующая обезьяна»: «Вонючая торжествующая обезьяна, питающаяся падалью, реквизированным сахаром и ананасами, ты <...> самодовольно нахлобучила французский красный колпак, присвоила русское крестное имя, русскую человеческую кличку и, обольстив изголодавшуюся горемычную чернь медовым пряником – посылом мира, хлеба, земли и воли <...> завладела Русью <...> ты <...> объявила изменниками русских людей, для которых твоя обезьяня морда есть обезьяня морда, а не лик Спасителя» [7, с. 534]. Тот же образ присутствует и в ремизовской дневниковой записи от 1 января 1918 г.: «Русская литература всегда стояла на стороне угнетенных и по заветам ее никогда не может стать в ряды *торжествующей обезьяны*» [8, с. 488].

Таким образом, в эсхатологическом видении страницы Анны образы царства антихриста с помощью приема аллюзии изначально соотнесены с современностью – с действующими силами большевистского переворота 1917 г.

Повесть «Страница» создавалась на рубеже 1917–1918 годов. Это краткий период публицистической активности Ремизова. В целом ряде эсеровских газет, таких как «Простая газета», «Новая простая газета», «Воля народа», «Воля страны», «Вечерний звон», писатель опубликовал ряд публицистических текстов, созданных по большей части в форме притч, основанных на древнерусских источниках. Старинные истории о легендарных монахах-подвижниках при помощи виртуозной модернизации реалий, введения понятных «проницательному читателю» аллюзий становились злободневными публицистическими текстами. Таков, например, ремизовский вариант известной легенды о старце Герасиме и благодарном ему льве, который в дальнейшем помогал святому, присматривая за его конем. Сюжет заканчивался

изображением картины «всеобщего счастья», за которой следовала маленькая ремарка «от автора»: «И никто не знал, как плохо коню! Старец знал, для чего ему лев служит, и лев знал, для чего он старцу служит, а конь ничего не знал, для коня старец – старец, лев – лев. <...> И возненавидел конь льва, а пуще старца святого. И <...> об одном по-своему, по-конинному, творил Богу молитву <...>, чтобы освободил его Бог от льва, прибрал старца» [9, с. 2]. Таким образом, повествование о «всеобщем благоденствии» превращалось в притчу о неприятии народом «счастья», насильно насаждаемого властью. Вершиной политической публицистики Ремизова стало «Слово о гибели русской земли», созданное в конце 1917 г., но опубликованное в начале 1918 г. [10]. Между образами и мотивами «Странницы» и «Слова» имеются параллели. В рамках данной статьи остановлюсь только на внутреннем параллелизме финалов обоих произведений. «Слово о гибели русской земли» заканчивается на оптимистичной ноте, восходящей к библейской притче: «Обнаглелые <...> норовят дочиста слопать все до прихода гостей, до будущих хозяев земли, которые сядут на широкую русскую землю» [11, с. 410]. В «Страннице» текст заканчивается последним испытанием души героини, когда слугам антихриста так и не удается заставить ее вкусить из его чаши. Последние слова повести таковы: «И вдруг вижу, глубокое небо и в небе крылатый – крест в руках его, а за ним белый гроб несут, а за гробом двое – крылья вверх и крылья, распростертые с Востока и на Запад» [1, с. 286]. Источник данного текста – вырезка из неустановленной газеты, вклеенная Ремизовым в дневниковую запись от 25 февраля 1918 г.: «“Небесное знамение” // Москва, 22 февраля. Вчера при заходе солнца в Москве наблюдалось редкое небесное явление: от заходящего солнца поднялся вверх высокий огненный столб, перерезанный посередине поперечной полосой. Колоссальный багровый крест занимал западную часть небесного свода в течение нескольких минут. // Начинаются различные толки о кресте, идущем с запада» [8, с. 490]. Ремизов как бы продолжил зафиксированное в газете народное символическое истолкование небесного явления как знака грядущего спасения от нашествия сил антихриста. Как и «Слово о гибели русской земли», вся его повесть представляет собой развернутую притчу – иносказание о судьбе России, которая находится во власти бесовских сил, обречена на муки, но которой в итоге суждено спасение.

В 1923 г. в дарственной надписи жене на берлинском издании «Странницы» Ремизов замечал: «Бесприютная (новое берлинское название повести. – А. Г.) попала в “Революционную мысль” – чудное дело, а написана она по материалам подлинным. Никто ее не читал. Я не слышал ни одного отзыва» [12, с. 24]. Писатель ошибался. Среди немногочисленных откликов 1918 г. выделяется рецензия А. Долиннина. В глубокой по социокультурному и эстетическому анализу рецензии на сборник «Мысль» критик выделил «Странницу» как наиболее ценную художественную составляющую издания и отметил ее скрытое соположение ремизовскому «Слову о гибели русской земли». Он писал: «Для Ремизова это произведение совершенно необычное. <...> Образы

чрезвычайно упрощены, тон понижен до того, что в некоторых местах он почти спускается до крайне опасной грани: вот-вот он совершенно перестанет задевать. Тоже и краски: бедные, точно от старости выцветшие – тонкий, тонкий рисунок, с едва уловимыми намеками на его былую чистую живопись <...> Здесь нечто от агиографии, в соединении с библейской простотою легендарно-религиозных сказок Толстого. “Странница” – тоже одна из “крестовых сестер” <...> И не различишь: сны ли это его, обычные, принимают более ясные очертания, земная фантастика снижена почти до реального или наоборот: земное мало-помалу теряет свою конкретность <...> Одно несомненно: как будто намерен отказ в этой странной “Страннице” от интеллигентной сложности, точно она рассчитана на совершенно иного читателя, с привычкой мыслить и жить совсем в другой сфере образов, чем наша» [13, с. 4].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что повесть «Странница», представляющая собой развернутое иносказание, органично входит в комплекс публицистических и художественных текстов Ремизова времени революции 1917 г., являвшихся его реакцией на современные политические события. В ней заключены его историософские размышления о судьбе России и в форме видения изложено его видение грядущего. Также «Странница» – это еще один творческий эксперимент Ремизова по поиску художественного языка и формы, доступных новым слоям читателей – народным массам, живущим во Взвихренной Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремизов А.М. Странница // Собр. соч. Т. 11: 3га. СПб.: Росток, 2015. С. 237–286.
2. Возняк А. Агиография и актуализация: Эстетические искания А. Ремизова в повести «Бесприютная» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 58–66.
3. Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула: Типография Н.И. Соколова, 1879. 249 с.
4. Веселовский А.Н. Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Разд. 12. С. 117–172. (Сб. Отд. русского языка и словесности Императорской Академии Наук; Т. 46. № 6).
5. Киево-Печерский патерик / Подг. текста Л.А. Ольшевской; Пер. Л.А. Дмитриева; Коммент. Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 412–623.
6. Грачева А.М. Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции // Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. М.: Рус. кн., 2000. С. 589–604.
7. Ремизов А.М. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // Там же. С. 534–535.

8. Ремизов А.М. Дневник 1917–1921 гг. // Там же. С. 423–533.
9. Простая газета. 1917. № 1, 8 нояб. С. 2.
10. Ремизов А. Слово о погибели русской земли // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 194–200.
11. Ремизов А.М. Слово о погибели русской земли // Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. Сб. 2. С. 404–410.
12. Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992. 61 с.
13. Долинин А. [Рец.] Сб. «Мысль» // Дело народа. 1918. № 25, 21/8 апр. С. 4.

М.Ю. Любимова

Российская национальная библиотека

«ВОСПРОИЗВЕСТИ КУСОК БЫТИЯ, ПРОПУСТИВ ЕГО ЧЕРЕЗ РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ...»

(ОТ ЭПОПЕИ «Я» АНДРЕЯ БЕЛОГО
К РОМАНУ «МЫ» ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА)

В статье рассматривается «Эпопея “Я”» Андрея Белого и критические отклики на нее современников (начало 1920-х годов) как потенциальные источники романа Е.И. Замятина «Мы» (завершен в 1922, первая публикация – на английском языке – 1924, Нью-Йорк). Автор устанавливает круг идей А. Белого, послуживших стимулом для возникновения и развития идей и образов в романе «Мы».

The author of the article discusses the epos “I” by Andrei Bely and the critic reaction of contemporaries (the beginning of 1920s) as the possible sources of the novel “We” written by E. Zamyatin (finished in 1922, the first publication was in English in 1924 in New York). The author establishes the sphere of ideas of A. Bely, letting to the ideas and images appear and develop in the novel “We”.

Ключевые слова: Андрей Белый, Е.И. Замятин, Сергей Аскольдов, Я.В. Браун, М.А. Кузмин, М.С. Шагинян.

Keywords: Andrei Bely, E.I. Zamyatin, Sergey Askoldov, Ja.V. Brown, M.A. Kuzmin, M.S. Shaginyan.

Процесс исчезновения человека в литературе в первые послереволюционные годы и его этапы обрисовал критик и журналист Яков Вениаминович Браун в статье «Человек и вещь» (1922): «...от психологии – к “коллективной рефлексологии”, от личности – к атому, от человека к вещи, – таков путь, намечающийся в современной художественной литературе» [1, с. 34]. По мнению критика, художественное изображение человеческой массы может идти только по пути постижения сущности каждого «слагаемого»: «Душа современности, душа коллектива-класса <...> может быть гениально зарисована не тогда, когда мы остадим человеков, но когда, наоборот, очеловечим